

песня, обнаруживает интерес к военному герою. Этот герой не полководец-командир, тем более далек он от героических образов предводителей восставшего народа в циклах о Разине и Пугачеве. Но гибель „есаула Ивана Зыбина“, выделенного Сказочной повестью за его бесстрашное поведение в плену у турок, описана в таких же лирически окрашенных тонах, в каких казацки исторические песни описывали „рядовых казаков, урядников, хорунжих“. „Герой таких песен чаще всего гибнет в бою, его смертью куплена победа, о нем вспоминают возвращающиеся из похода, его хоронят товарищи в чужом краю“.¹

Древнерусская воинская повесть, опираясь на народные предания о таких героях, хотя и не возглавлявших русское войско, но в народной памяти особо отмеченных за горячую любовь к родине, за верность воинскому долгу, мужество и бесстрашие, — создала давно образы Евпатия Коловрата и Захарии Тютшева. Есаул Иван Зыбин относится к числу именно этих народных героев. Он смело отвечает „дарю Брагиму“ на его вопрос: „Почто вы, воры, наступили на десницу мою превеликую...“, и на всю бранную речь разъяренного врага: „И хотя бы и ты сам попался, я бы тебе право не уступил и снял бы голову по твои могучия плеча и взоткнул на свое вострое копые и разбросал бы тело твое по чистому полю“. Однако, в отличие от своих далеких предшественников, которые оттеняли в ответах русского пленника врагу эпически насмешливое к нему отношение (обещание „почтить“ врага), автор Сказочной повести, стремясь к возможно более правдоподобию и вместе с тем драматически напряженному развитию действия, заставляет Ивана Зыбина наполнить свою речь прямыми угрозами царю, теми, по оценке царя, „непристойными словами“, за которые он осуждает его на страшную казнь.

Этого народного героя казаки хоронят с глубокой скорбью, и плач-причитание его вдовы-турчанки естественно подчеркивает лирическую окраску всего эпизода, не знакомого старшим повестям об Азове. В последней трети XVII века автор мог только из устного предания ввести этот трогательный рассказ, резко выделяющийся своим вниманием к подвигу отдельного героя.

От устного источника в Сказочной повести идет, вероятно, и явно фантастический в целом рассказ о смелой вылазке двадцати казаков ночью во вражеский лагерь, во время которой они, переодевшись в турецкое платье, проникли к шатру самого царя Ибрагима, захватили турецкие знамена и богатую добычу и, наконец, убили крымского хана Старчия, а отсеченную голову его принесли атаману Науму Васильеву. Крымский хан, как выше указано, умер на обратном пути от Азова, раненный в бою, и отсеченная голова его — несомненно гиперболизм устного предания, опозитизировавшего какой-нибудь реальный рассказ о ночном набеге.

Широко пользуясь устным преданием и песнями для украшения повести новыми подробностями, автор Сказочной повести не отступал от исторической правды в оценке событий, в описании мирного и военного быта донского казачества. Реалистичность повествования он усиливал введением фактических подробностей. Склонный архаизировать язык, автор избегал прямого перенесения устно-поэтической речи в свой рассказ. Казачий фольклор для него служил материалом для создания свободной композиции на историческую тему.

¹ Б. Н. Путтилов. Исторические песни на Тереке, стр. 15.